

ВЫСОЦКИЙ НАЧИНАЛСЯ ТАК...

Интерес к творчеству В. Высоцкого, его личности никак не угасает. Об этом свидетельствуют публикации в газетах и журналах, выход в свет его стихотворений, магнитофонных записей и дисков, создание в различных городах страны клубов, члены которых изучают творчество поэта и артиста. Большинство воспоминаний, публикующий рассказывает о нем как о сформировавшейся личности. За кадром остается его становление, первые шаги в творчестве. Может быть, воспоминания заслуженной артистки РСФСР, ведущей актрисы Нижнетагильского драматического театра И. Высоцкой в какой-то мере помогут восполнить этот пробел.

— Изольда Константиновна, давайте начнем нашу беседу с самого простого вопроса: как началось ваше знакомство с Высоцким?

— Это произошло в 1956 году, когда я училась на третьем курсе театральной студии МХАТа. В качестве курсовой работы мы ставили «Гостиницу «Астория» И. Штока. И руководитель нашей студии пригласил Высоцкого на бессловесную роль — солдата с ружьем. Репетиций было много, на каждой присутствовал Володя. Был он приглашен, конечно, и на торжество после премьеры — на наши любимые посиделки, где собирались студенты и преподаватели. Словом, стал почти полноправным членом нашего курса.

Потом наше знакомство переросло в дружбу, а кончилось тем, что в один прекрасный день взяли мы в общежитской комнате, где я жила, чемоданчик, и Володя повел меня к себе домой, на Первую Мещанскую. Как в песне поется: «Познакомься — это моя жена». Было это осенью 1957 года. Володе было тогда 19 лет, а мне на год больше.

Правда, на Первой Мещанской мы прожили недолго. На следующий год, закончив студию МХАТа, я уехала работать в Киевский драматический театр, а Володя остался в Москве: ему нужно было заканчивать студию. И все же виделись мы в этом году довольно часто — 'самолетом от Москвы до Киева лету немного. Был еще телефон и почта. Так что, несмотря на разлуку, духовно мы в эти годы с Володей были очень близки.

В студии МХАТа Володя был заметным студентом, организатором и непременным участником многочисленных капустников. И после окончания студии он получил сразу несколько предложений от московских театров. Так, его брали в театр имени В. Маяковского. Но он ставил условие — я должна работать с ним вместе. К моему сожалению, театр имени В. Маяковского меня взять

не мог: по своему амплуа я не подходила для него, а на вариант — он в Маяковском, а я в каком-то другом театре — он не соглашался. Потом нам предложили театр имени А. С. Пушкина. Но на просмотре я поссорилась с главным режиссером, и в труппу меня не приняли.

К сожалению, начало творческой биографии и у Высоцкого не сложилось. Главный режиссер предложил ему большую роль в спектакле «Свинные хвостики», но роль возрастную — гсрою, председателю колхоза, уже пятьдесят лет, а исполнитель только-только за двадцать. Уже это одно приводило Володю в недоумение и вызывало естественный страх перед ролью. А кроме того, главный режиссер сразу назначил на ту же роль другого актера, для которого она была ближе и по возрасту, и по характеру. В общем, Володя и не репетировал эту роль, хотя и выучил весь текст, в спектакле в ней так и не выступил. Выходил только в массовке. А если учесть, что и в следующем спектакле он был занят лишь в массовке, то можно себе представить, какая моральная травма это была для молодого актера.

Но, в общем-то, жизнь была интересной. И до этого времени у нас было много друзей, знакомых, кто-то из них писал пьесы, кто-то картины, кто-то интересовался музыкой. Собирались мы часто, и порой до утра не затихали споры, какие-то веселые рассказы. Это были отнюдь не застолья: на столе могла до утра простоять непочатая бутылка вина — мы пьянели от радости творческого, человеческого общения.

А вот в театре у Володи начались срывы. Удовольяли его не раз. Но у него была заступница — великая женщина и великая актриса, единственная женщина, к которой я по молодости ревновала Володю. Это — Фаина Григорьевна Раневская. Они обожали друг друга. И как только его увольняли, Фаина Григорьевна брала его за ру-

ку и вела к главному режиссеру. Видимо, она чувствовала в этом тогда еще, по сути дела, мальчишке, который в театре-то ничего не сделал, большой неординарный талант.

Володя и сам предпринимал шаги, чтобы расстаться с театром имени А. С. Пушкина. Когда я в 1961 году уехала работать в театр Ростова-на-Дону, туда же решил перейти и Володя. Прислал документы и был даже назначен на роль в спектакле «Красные дьяволята». Но в это же время он получил приглашение сниматься в кинофильме «713-й просит посадку» (это была уже вторая его работа в кино), а затем перешел в Театр на Таганке. Здесь он нашел и режиссера, который в него поверил, и коллектив единомышленников. Здесь, в этом театре, он состоялся и как исполнитель авторских песен, и как актер.

— В жизнь моего поколения В. Высоцкий поначалу вошел как автор и исполнитель песен, которые сейчас принято называть нейтральным термином «городской романс». Они распространялись в магнитофонных, поначалу очень непрофессионально сделанных записях вопреки всяким запретам и критике И, скажем, меня всегда поражал в этих песнях какой-то призмленный реализм. Откуда это у него?

— Володя всегда был прекрасным рассказчиком. В студии, в компаниях он мог часами рассказывать о своих соседях по двору на Первой Мещанской. Помню, как мы смеялись над каким-то знаменитым «Коней» (его мать не выговаривала букву «л» и на весь двор, высунувшись из окна, кричала: «Эй, Коня, сходи в магазин, Коня!»), знаменитом московском голубятнике и очень несуразном парне. Был рассказ о какой-то Шалаве. В общем, что ни жилец — то смешная, грустная или веселая история. Потом, со временем, эти рассказы, которые его то и дело просили повторять, превратились в забавные житейские миниатюры, с сюжетом, с героями, завязкой, кульминацией и развязкой — одним словом, все по законам драматургии.

Первые дворовые песни Высоцкого шли, по-моему, от этих устных рассказов-новелл. Сюжетно, во всяком случае, они обращены туда. Нинка — помните: «Сегодня Нинка соглашается, сегодня жизнь моя решается» — это новелла о Шалаве. А что касается стили — так это, видимо, от того репертуара, который был тогда самым модным в студии. Наша сокурсница снималась в фильме «Хожение по мукам», а там, кажется, для второй серии, искали народно-экзоти-

ческие песни. Чего только тогда мы не наслушались и не спели. Наш курс во всяком случае пел. А значит, и Володя.

Что касается поэзии, то занимался он ею вначале постольку-поскольку. Хотя поэзию всегда он любил, а Маяковского просто обожал. Он был для него какой-то свой — то нежный, то темпераментный, но всегда очень человечный. В студийные годы он просто лихо читал стихи Маяковского. Не так, как принято было тогда его читать, а по-своему. Маяковский у него получался очень простым и очень многообразным. Он наизусть читал и «Баню», и «Клопа». Много позднее, когда мы встретились, у него в кабинете висел портрет Пушкина. Это была его взрослая любовь.

— Сейчас как-то трудно представить В. Высоцкого без гитары. Она неперемнная его спутница.

— Сейчас некоторые его знакомые даже утверждают, что когда-то учил его играть на гитаре. Я-то хорошо знаю, как она вошла в наш быт. Первую в его жизни гитару мы покупали в магазине, что на углу Неглинной. Нина Максимовна, его мать, вспоминает, что она подарила сыну гитару. Может быть, она дала деньги на ее покупку, скорее всего так и было: откуда у двух студентов могли появиться 65 рублей (конечно, в старом исчислении). Но вот его игра на ней — это был какой-то кошмар. Часами он играл на гитаре и пел одну и ту же цыганскую песню; там были — до сих пор с внутренней дрожью вспоминаю — слова «Ны-ны-ны, есть ведро — в нем нет воды, значит, нам не миновать беды». Это была в ту пору его любимая песня, кто-то показал ему, как надо ее исполнять на гитаре. Только когда по ночам звучали эти басомочные «ны-ны-ны», на самом деле казалось, что не избежать беды...

Не надо только думать, что с покупки гитары началось его знакомство с музыкой. Он учился играть на фортепиано, в детстве брал частные уроки и играл на этом инструменте вполне прилично. И вообще с детских лет он был музыкантом, у него была отличная ритмика, абсолютный музыкальный слух.

— Участники Великой Отечественной войны, когда говорят о фронтовых песнях В. Высоцкого, утверждают, что их мог написать только человек, который сам испытал, почему фунт фронтового лиха.

— Скорее всего это от отца, от семейной обстановки. Несколько лет он жил в ГДР, где отец, профессио-

нальный военный, служил в группе советских войск. Потом в Москве, когда отца перевели в Генеральный штаб, у них на квартире собирались отцовские друзья, прошедшие войну, перенесшие ее тяготы, настоящие мужчины, привыкшие к дисциплине, к душевному мужеству, стойкие в убеждениях. Видимо, Володя с детства впитал атмосферу этого воинского, солдатского братства. К тому же он обладал удивительным даром — слушать и проникать в душу собеседника, люди многих других профессий считали его своим. Доходило до смешного. Распускались упорные слухи, что Володя вроде бы и в тюрьме посидел, и бог знает кем еще был.

К сожалению, за долгие годы знакомства — а мы после семилетнего супружества и после развода встречались как друзья — я была лишь на двух его концертах. Причем в то время, когда организовать их было чрезвычайно сложно — преград и противников у него было много. И уж вроде бы знала я его, и песни его в магнитофонных записях слышала, но эти два концерта как-то перевернули мои представления о Высоцком, сложившиеся в молодые годы.

На эти концерты он поехал, отыграв на сцене Театра на Таганке Гамлета, роль, что требует от артиста всех духовных и физических сил. Концерты были по сути дела нелегальными: они значились как музыкальные лекции по линии общества «Знание». Володя по ходу концерта то и дело напоминал собравшимся, а их было много, очень много: «Товарищи, не забудьте, что вы присутствуете здесь по линии общества «Знание».

Выступал он без конфет, без администратора. Одним словом, нагрузки огромные. И при всем этом, выйдя на сцену, он сказал:

— Товарищи, я актер и аплодисменты люблю. Но времени у нас мало, а спеть надо много.

И не допускал аплодисментов, хотя для актера — это возможность перевести дух и хоть немного успокоиться, настроить себя на следующую песню. За два концерта не было ни одного послабления себе, попытки спеть вполсилы, вполголоса. Те, кто видел фильм на телевидении, снятый о нем еще в 1981 году, сами могли убедиться в требовательности к себе Высоцкого. У него была всегда — и в молодости, и потом, уже в зрелые годы — какая-то неистовая жажда творчества, самовыражения. Он словно сжигал себя. Словно спешил, чувствуя, что впереди остается мало времени...

Беседу вел
А. СОКОЛОВ.